

УДК 341

Хикмет НАГДАЛИЕВ*доктор философии по праву,
докторант Бакинского Государственного Университета**e-mail: naghdaliyev@yahoo.com*DOI: <https://doi.org/https://doi.org/10.62130/YKNV2165>

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ГОСУДАРСТВ ЗА СОВЕРШЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

РЕЗЮМЕ

Автор в настоящей статье исследует одну из самых актуальных проблем в международном праве - проблему ответственности государств, возникающих в результате совершения международно-противоправных деяний и существующие в международно-правовой доктрине различные концепции относительно данной проблематики. Особое значение придается исследованию проблемы международно-противоправных деяний, называемых международными преступлениями, как оснований возникновения международно-правовой ответственности государств. В статье автор рассматривает международные преступления как исключительно международно-противоправное применение силы, которые означают тяжкие нарушения норм международного права и посягают на всю систему международного мира и безопасности.

Автор показывает, что хотя категория «международные преступления» прочно утвердилось в доктрине международного права, однако этого нельзя сказать о категории «международных преступлений государств» и соответственно, вытекающей из нее концепции «уголовной ответственности государств». Автор рассматривает различные мнения представителей различных научных школ относительно данной концепции существующие в доктрине международного права. В статье также проводится анализ ряда основных положений проекта статей Комиссии международного права ООН об «Ответственности государств за международно-противоправные деяния» от 2001 г. Наряду с этим, автор рассматривает и категорию «серьезные нарушения обязательств, вытекающего из императивной нормы общего международного права». В заключении статьи автор дает оценку возможности применения концепции «международных преступлений государств» к существующим международно-правовым реалиям.

Ключевые слова: *международное право, международные преступления, доктрина, концепция, ответственность, ответственность государств, уголовная ответственность государств, ответственность по международному праву*

Совершение международных преступлений влечет тяжелые последствия и затрагивает интересы мирового сообщества государств. Такие преступления влекут за собой определенные, юридически значимые последствия и являются основанием возникновения международно-правовой ответственности государств.

Международные преступления возможны

исключительно в результате международно-противоправного применения силы государствами, его органами. Такие противоправные деяния означают тяжкие нарушения норм международного права, международные преступления, посягающие на всю систему международного мира и безопасности. Сущность и общественно-опасный характер такого рода международных преступлений, являющихся

результатом противоправного применения силы в том, что они могут порождать реальную угрозу для всего международного сообщества в целом.

Прежде всего следует отметить, что Устав ООН, заложивший фундамент формирования современного международного права, запрещает применения силы или угрозы ее применения. Будучи закреплено в Уставе ООН, принцип неприменения силы является основным принципом международного права, и носит характер императивной нормы (*jus cogens*). Международный Суд ООН в своем заключении по делу о Никарагуа (Case Concerning Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America)), отметил, что норму, закрепленную в статье 2 (4) Устава ООН, следует рассматривать как часть международного обычного права и как таковая она носит обязательный характер в отношении всех государств. [16] Комиссия международного права в своем комментарии к статье 50 проекта текста Венской конвенции о праве международных договоров, подчеркнула, что норма Устава ООН относительно запрещения применения силы в отношениях между государствами представляет собой наглядный пример правила международного права, имеющего характер норм *jus cogens* [24].

Поэтому международно-противоправные деяния, совершаемые государствами означают, по сути, нарушения норм международного права, наиболее тяжкие из которых в юридической доктрине также обозначаются как международные преступления.

Вместе с тем, необходимо отметить, что в современном международном праве в определенных случаях предусмотрена возможность применения силы и с юридической точки зрения оправдана. Современное международное право предусматривает два правомерных исключения из ст. 2 п. 4 Устава ООН, которые также четко прописаны в Уставе ООН.

Первое исключение составляют принудительные меры, санкционируемые Советом Безопасности ООН в соответствии с его пол-

номочиями, определенными Уставом ООН. Так, в соответствии со статьей 25 Устава ООН, страны-участницы ООН соглашаются подчиняться решениям Совета Безопасности ООН и неукоснительно выполнять их. В тех случаях, когда Совет Безопасности определит наличие существования какой-либо угрозы миру или любого нарушения мира или акта агрессии, с целью поддержания или восстановления международного мира и безопасности, он выносит рекомендации или решает какие меры следует принять в соответствии со статьями 41 и 42 Устава ООН. При этом Совет Безопасности уполномочен, в первую очередь, определить, какие меры, не связанные с использованием вооруженных сил, должны применяться для осуществления его решений. Более того, он может потребовать от стран-участниц Организации применение таких мер, как полный или частичный перерыв экономических отношений, железнодорожных, морских, воздушных, почтовых, телеграфных, радио или других средств сообщения, а также разрыв дипломатических отношений (ст. 41 Устава ООН). В случае, когда Совет Безопасности ООН придет к заключению, что меры, предусмотренные в ст. 41 Устава ООН, могут оказаться недостаточными или уже оказались недостаточными, он вправе предпринимать такие действия воздушными, морскими или сухопутными силами, какие окажутся необходимыми для поддержания или восстановления международного мира и безопасности. Такие действия могут включать демонстрации, блокаду и другие операции воздушных, морских или сухопутных сил Членов Организации (ст. 42 Устава ООН). М.В. Шиленко заключает, что право Совета Безопасности ООН уполномочить страны-участницы ООН использовать все необходимые средства для осуществления его резолюций, принятых в соответствии с главой VII Устава ООН, хотя прямо и не предусмотрено в Уставе ООН, однако является подразумеваемым полномочием Совета Безопасности ООН, которое основано на ст. 42 Устава и вытекает из смысла главы VII [12, с.21].

Второе исключение относится к осуществлению права государств на самооборону, предусмотренное ст. 51 Устава ООН. Так, эта статья предусматривает, что: *«Настоящий Устав ни в коей мере не затрагивает неотъемлемого права на индивидуальную или коллективную самооборону, если произойдет вооруженное нападение на Члена Организации, до тех пор, пока Совет Безопасности не примет мер, необходимых для поддержания международного мира и безопасности»* [18]. Поэтому трудно согласиться с точкой зрения, что единственным исключением из нормы о запрещении применения силы является право на самооборону в соответствии со статьей 51 Устава ООН. [4, с. 106] Наоборот, в юридической литературе была указана и третья правомерная возможность применения силы. Так, было высказано предположение, что наряду с самообороной и решением Совета Безопасности ООН, закономерным основанием для оправдания применения силы является также *«согласие затронутого государства»* [5, с. 829].

Наряду с этим, в международно-правовой доктрине существует и другой подход относительно данной проблематики. Так, по мнению Э.И. Скакунова: *«Исходный момент для понимания существа самообороны должен базироваться на придании абсолютного характера норме, зафиксированной в п. 4 ст. 2 Устава ООН. Не зная каких-либо исключений, эта норма создает абсолютные правоотношения, в которых обязательству воздержания от угрозы силой и применения силы одного государства противостоит право на территориальную неприкосновенность и политическую независимость другого»* [9, с. 10]. Р.А. Мюллерсон и В.Н. Федоров подчеркивают, что в Уставе ООН содержится общий запрет применения силы и угрозы силой как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с целями ООН, из которого вытекают обязательства для государств воздерживаться как от прямого, так и от косвенного применения вооруженной силы первым [2, с. 67-68]. Отсюда можно заключить, что

применение силы в порядке самообороны никак не является исключением из п. 4 ст. 2 Устава ООН, ибо эта мера направлена на обеспечение соблюдения норм, установленных Уставом ООН. Немецкий юрист М. Боте заключает, что юридические основания стали регулярно использоваться также как средство политического оправдания применения такой силы. Поэтому, на его взгляд, такие оправдания следует рассматривать критически [5, с. 829].

На наш взгляд, независимо от доктринальных разногласий относительно юридической природы возникновения права на самооборону: как исключение из принципа неприменения силы или угрозы силой, предусмотренное Уставом ООН, или же вследствие нарушения обязательства государств воздержаться от угрозы силой и ее применения, на практике они сводятся к обоснованию правомерности применения силы в порядке самообороны. Независимо от того, как рассматривать право на самооборону, оно является правомерным основанием применения силы, предусмотренным как конвенционными нормами (Уставом ООН), так и обычными нормами международного права [1, с. 16-17].

Таким образом, можно заключить, что за исключением вышеуказанных случаев, любое иное применение силы со стороны любого государства является неправомерным. Следует лишь отметить, что в современный период глобализации и универсализации важное значение приобретает вопрос о том, что какво конкретное содержание понятия «применение силы». Ограничивается ли это понятие только лишь действиями, связанными с использованием военной силы, или же к ним можно отнести и, например, экономическое и политическое давление? Проблема ответственности государств за применение силы до сих пор является во многом дискуссионным из-за того, что понятие «применение силы» в международном праве само по себе чрезвычайно многозначно. При этом, если преступления агрессии, геноцида, военных преступлений и преступлений против человечности, апартеида, колониализма в различной степени определены и раскрыты в международно-право-

вых документах, то например, такие понятия, как «экоцид», «этноцид», «государственный терроризм» или же «гуманитарная интервенция» по-прежнему вызывают слишком много споров и по ним в международно-правовой литературе нет *opinio juris*, чтобы утвердиться в качестве возможных доктринальных оснований международно-правовой ответственности государств.

Неправомерное применение военной силы является важным элементом международно-противоправного деяния государств и порождает основания для возникновения международно-правовой ответственности государств. Устав ООН не только закрепил особый характер ответственности за такие серьезные нарушения международного права, как агрессия, геноцид и т.д. но и предусмотрел механизм, направленный на обеспечение осуществления такой ответственности [18].

Особую актуальность приобретает исследование проблемы о международно-противоправных действиях, называемых в международном праве международными преступлениями, как об основании возникновения международно-правовой ответственности государств, в том числе и за совершение военных преступлений и преступлений против человечности.

Казалось, раз существует категория «международные преступления», то вполне логично говорить и о «международных преступлениях государств» их совершивших. Однако, в юридической доктрине не существует единого мнения у представителей различных научных школ относительно трактовки использования данного термина. Наряду с термином «международные преступления государств», также широко используется понятие «особо тяжкие нарушения международного права» и «серьезные нарушения обязательств, вытекающих из императивных норм общего международного права» [25]. Вместе с тем, какой бы термин не использовать при обозначении такого рода международно-правовых деяний, суть его содержания не меняется.

Следует отметить, что Комиссия международного права ООН, работавшая над проек-

том статей об ответственности государств на протяжении многих лет, отметила, что различные международно-противоправные действия, совершаемые со стороны различных государств, носят неравнозначный характер и это было очевидным фактом. Так, совершение каким-либо государством простого международного деликта (их еще называют нарушение государством своих договорных обязательств, не имеющих основополагающего значения) необходимо отличать, например от актов совершения агрессии одного государства против другого. Специальный докладчик по вопросам ответственности Комиссии международного права ООН Ф. Гарсия Амадор, наряду с другими вопросами, касался и этого вопроса. В своем докладе от 1956 года он отметил, что: *«Особенно после Второй мировой войны идея международной уголовной ответственности стала настолько четко определенной и широко признанной, что ее следует признать одним из последствий нарушения или несоблюдения определенных международных обязательств»* [26, с 183]. Таким образом, он открыто высказался в пользу категории уголовной ответственности государств. Соответственно, в доктрине международного права было предложено именовать особо тяжкие международные правонарушения государств категорией «международные преступления», которая и должна влечь за собой уголовную ответственность государств. Следует особо отметить, что в статье 19 проекта статей об ответственности государств, подготовленном в 1976 году другим специальным докладчиком Р.Аго под названием «Международные преступления и деликты», сначала было сформулировано понятие международного преступления государств, а затем в части 4-ой данной статьи было определено, что любое международно-противоправное деяние, которое не является международным преступлением представляет собой международный деликт [27, с. 95-96]. Таким образом, концепция о необходимости разделения всех международных правонарушений на две категории: международные деликты и особо тяжкие

международные правонарушения, получила свое подтверждение и обоснование в работе КМП по подготовке проекта статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния. Естественно, в связи с этим и возникла дискуссия об уголовной ответственности государств, совершивших такого рода деяния.

Вообще, следует отметить, что еще до начала дискуссии относительно термина «международное преступление» в юридической доктрине, в международной практике этот термин уже использовался. Например, в ряде документов Лиги Наций. Так, в проекте договора о взаимной помощи, представленной Лиге Наций в сентябре 1923 года, содержалась формулировка, которая гласила: «Агрессивная война составляет международное преступление». В Женевском протоколе (в преамбуле) о мирном разрешении международных споров, принятом V Ассамблеей Лиги Наций 2 октября 1924 года содержится следующая формулировка «...Признавая наличие солидарности, объединяющей членов международного сообщества; Утверждая что агрессивная война составляет нарушение этой солидарности и международное преступление; Желая обеспечить полное применение предусмотренной в Статуте Лиги наций системы мирного разрешения споров между государствами и обеспечить пресечение международных преступлений...» [21].

Следует отметить, что за весь период рассмотрения вопросов международно-правовой ответственности государств Комиссией международного права ООН, в его докладах, а также в международно-правовой доктрине получило широкое распространение использование не только термин «международное преступление государства», но и такие термины, как «преступление против мира и безопасности человечества», «преступления против мира», «преступления против человечности», «преступления против человечества», военные преступления, преступления международного характера и др. Наряду с этим нередко содержание этих терминов смешива-

лись. Так, И.В. Фисенко, отмечает, что в юридической литературе нередки случаи попытки подмена общепринятого термина «международные преступления» термином «уголовные преступления международного характера» [10, с. 156]. В юридической литературе справедливо отмечалось, что: «Безусловно, подобное разнообразие терминов и отсутствие единства относительно их трактовки не добавляли порядка в и без того сложный институт ответственности в международном праве» [8, с. 461]. Известный ученый в области международного права, профессор Я. Броунли справедливо утверждал, что «терминология, связанная с данным вопросом, находится в хаотическом состоянии — факт, который частично отражает различия во взглядах по существу вопроса» [14, с. 458]. Как мы уже отметили, термин уголовная ответственность государств широко использовался в процессе работы КМП над текстом проекта статей об ответственности государств. Так, в докладе специального докладчика Р.Аго была сформулирована важная по своей значимости ст. 19. В этой статье, состоящей из 4 частей, в части 2 содержалось определение «международного преступления государства», как «Международно-противоправное деяние, являющееся результатом нарушения государством международного обязательства, столь существенного для защиты основных интересов международного сообщества, что его нарушение признается преступлением этим сообществом в целом, является международным преступлением.» [27, с. 95].

Однако, статья 19 вызвала очень бурную дискуссию среди представителей государств. Лишь стоит отметить, что при принятии окончательного проекта статей, формулировка «преступление государства» была исключена и заменена на «серьезные нарушения обязательства, вытекающего из императивной нормы общего международного права» [25]. Как отмечает К.Л. Сазонова, таким образом, усилия таких ученых юристов, как Р. Аго, Т. Элайеса, Э. Хамбро, а также других членов Комиссии международного права ООН на

протяжении многих лет по внедрению термина «международные преступления государства», отражающего реальные действия государств, к огромному сожалению, не увенчались успехом [8, с. 461].

Следует подчеркнуть, что концепция уголовной ответственности государств имеет немало сторонников и в доктрине международного права. Так, Л. Оппенгейм в разделе «Уголовная ответственность государств» своего фундаментального труда «Международное право», изданного после Второй мировой войны, сформулировал положение о том, что: *«Государство, как и лица, действующие от его имени, несет уголовную ответственность за такие нарушения норм международного уголовного права, которые по своей тяжести, жестокости и представляющемуся в них презрению к человеческой жизни, должны быть отнесены к категории уголовных преступлений как они понимаются законодательством цивилизованных стран»* [6, с. 326]. Необходимо отметить, что идея привлечения к уголовной ответственности государств была высказана после Первой мировой войны. Видимо основой таких разработок и положений в доктрине международного права послужили огромные масштабы жертв и разрушений, понесенные в ходе этой войны. Наиболее полную концепцию уголовной ответственности государств разработал румынский юрист-международник Веспассиана Пелла в своем труде под названием «Коллективная преступность государств и уголовное право будущего» [22]. При этом в системе международных отношений стала укрепляться идея преступности агрессивной войны и главное внимание уделялось этому преступлению [22, с. 240]. Следует лишь подчеркнуть, что В.Пелла также впоследствии разработал и опубликовал, правда, уже после Второй мировой войны план международного уголовного кодекса. По его мнению, с признанием института уголовной ответственности государств связана в целом, эффективность международного права и возможность предупреждения международных преступле-

ний. Наличие того факта, что не только одни лишь руководители, но также и государство в целом может стать объектом применения мер уголовного характера, может способствовать процессу развития сопротивления преступникам, находящимся во главе государства [23, с. 83].

Особенно идея привлечения к уголовной ответственности получила свое отражение во французской юридической литературе. Видимо это было связано с тем, что Франция, хоть и была одной из стран-победительниц по итогам Первой мировой войны. Но понесла огромные потери как в людских ресурсах, так и в экономике. Так, французский юрист Жак Дюма попытался обосновать концепцию уголовной ответственности государств. [20] Особенно актуальным были вопросы, связанные с ответственностью государств за совершение агрессии против других государств. Другой французский юрист Л. Ле-Фюр также считал необходимым установление уголовной ответственности государства за агрессию, ибо это наиболее надежное средство предотвратить возникновение новых войн [19, с. 577]. Со схожих позиций выступали Г. Донеде де Вебр, К. Салдана и др.

Известный кубинский юрист-международник А.С. Бустаманте использовал понятие *«международное уголовное публичное право»*, в соответствии с которым ответственность должны нести субъекты международного права [15, с. 23].

Всплеск интереса к данной проблематике в международно-правовой доктрине произошло после Второй мировой войны. Это было в том числе и следствием деятельности Нюрнбергского военного трибунала. В юридической литературе указывается, что этим был создан первый прецедент привлечения государства, совершившего международное преступление к международно-правовой ответственности, имея в виду Германию [7, с. 40]. Однако, с таким выводом трудно согласиться. Можно назвать и Международный военный трибунал для Дальнего Востока, состоявшийся суд над японскими военными преступниками. (То-

кийский процесс, названный по месту проведения с 3 мая 1946 года по 12 ноября 1948 года). Аналогичного типа международным судебными органами были Международный трибунал для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершённых на территории бывшей Югославии с 1991 года (функционировал в 1993-2017 годах), а также Международный трибунал по Руанде, учреждённый для судебного преследования лиц, ответственных за геноцид, совершенный на территории Руанды, и граждан Руанды, ответственных за геноцид, совершенный на территории соседних государств, в период с 1 января по 31 декабря 1994 года (функционировал в 1994-2015 годах). Однако, вряд ли можно утверждать, что эти судебные процессы были направлены против этих государств. Эти процессы были направлены против конкретных физических лиц, совершивших различного вида международные преступления.

За последний период был издан ряд научных публикаций, посвященных исследованию концепции международных преступлений и уголовной ответственности государств за совершение ими международных преступлений. Среди таких работ следует выделить публикации Р. Аго, Г. Гилберта, Г.И. Тункина, А. де Ху, Р. Крайера, М. Спинеди, Э. Вайлера, П.-М. Дюпьи, М. Бартоша, А. Таммеса, Г.И. Тункин, Д.Б. Левин, П. Курис, В.Ф. Антипенко, Фархад Малекиан, Н.Н. Анниковой и Е.Ю. Покаместовой, Е.А. Важной Е.А. и др.

Особо следует выделить работу КМП по подготовке документа об ответственности государств за совершенные ими нарушения норм международного права, завершившийся принятием в 2001 году документа под названием «Ответственность государств за международно-противоправные деяния» [25].

Сам по себе факт активного обсуждения и дискуссии в юридической доктрине концепции «международного преступления» государства, свидетельствует об актуальности данной проблематики до сих пор.

Но концепция уголовной ответственности

государств за международные преступления имеет и своих многочисленных противников. Например, противником концепции «международных преступлений государств» в международно-правовой доктрине также выступает немало сторонников (Д. Анцилотти, Р. Бадеван, Дрост, А. Кассезе и др.) Так, известный итальянский юрист А. Кассезе настаивает на том, что международными преступлениями следует называть только те правонарушения, которые могут повлечь за собой только индивидуальную уголовную ответственность совершивших их лиц [17, с. 56]. В целом, можно систематизировать аргументы сторонников данной концепции следующим образом:

- субъектами уголовной ответственности могут быть исключительно физические лица (Р. Филимор);

- невозможно наказать государства юридически и практически (П. Дрост, Дж. Кроуфорд);

- нельзя говорить о преступлении государства, ибо нет международного уголовного суда, полномочного привлекать государства к уголовной ответственности.

Как мы уже подчеркивали, идея введения в международно-правовую терминологию понятия «международные преступления государств» в свое время вызвала бурную дискуссию и сопротивление представителей таких государств, как США, Швеция, Великобритания, Япония в Комиссии международного права ООН в период обсуждения проекта статей об ответственности государств и поэтому его пришлось убрать из итогового доклада Комиссии международного права ООН.

На наш взгляд, с точки зрения действующего международного права привлечение к уголовной ответственности государства, с практической точки зрения, фактически неосуществимо. Даже если и предположить это возможным, то это было бы недостаточно адекватным из-за того, что отнюдь не государство или его население, а исключительно его высшее руководство (политическое и военное) несет личную ответственность как за

серьезные нарушения международного права, так и за содействие их совершению на государственном уровне. Кроме того, концепция «преступление государства» и выводящееся из нее понятие «уголовная ответственность государства» не нашла своего отражения в международно-правовой практике и в международно-правовых нормативных актах [3, с. 240-253]. Прежде всего необходимо отметить, что концепция «преступление государства», предполагает привлечение государства к ответственности. Таким образом, по сути, речь идет о проблеме ответственности государств. Но, целесообразно ли подходить к анализу международной ответственности государств с критериями внутригосударственного права? Нельзя рассматривать международно-правовую ответственность государств сквозь призму гражданско-правовой, административной или уголовной ответственности. Хотя в ряде случаев нельзя не отметить схожие черты между ними. Так, общая черта между гражданско-правовой ответственностью и международно-правовой ответственностью заключается в том, что в обоих случаях правоотношения возникают между равноправными субъектами. В случае возникновения ответственности за обычные международно-правовые нарушения (деликты) ответственность государств ограничивается обязанностью возмещения нанесенного ущерба. Точно также в гражданском праве ответственность заключается в необходимости возмещения нанесенного ущерба потерпевшей стороне. Однако специфика субъектов международного права в том, что они являются суверенными государствами. А это обстоятельство определяет характер международного права, а также механизм его действия. Так, отношения между государствами носят публично-правовой, а не частноправовой характер, как при гражданском праве. Следовательно, и международно-правовая ответственность является публично-правовой.

Также международно-правовая ответственность не может являться и уголовно-правовой, поскольку в международной системе от-

сутствует орган наднациональной власти над государствами. В уголовном праве основным элементом является принуждение. Такое принуждение осуществляют государственные органы, облаченные соответствующими полномочиями. Между тем, в международном праве нет органа принуждения государств, наднационального органа, которому бы подчинялись государства. Да это просто противоречило бы самим основам и природе международного права, хотя бы потому что это противоречило бы принципу суверенитета и суверенного равенства государств, которые являются одним из краеугольных камней фундамента всей системы современного международного права. Считаем, что нельзя согласиться с авторами, которые допускают возможность установления уголовной ответственности государств в будущем. Невзирая на возникновение новых аспектов, ответственность в целом носит международно-правовой характер с присущей ей особенностями. Да и в международной практике государств эта концепция не нашла своего нормативного закрепления в соответствующих международно-правовых актах. Можно согласиться с И.В. Фисенко, что: «*Концепция уголовной ответственности государств существует лишь в доктринальных разработках*» [11, с. 21].

Более распространенной в юридической доктрине является положение о возможности государства нести ответственность за совершение международных преступлений. [11, с. 17; 13, с. 48] Однако в практической плоскости и эта концепция не получила своего закрепления в международно-правовых актах. Так, Комитет по уголовной юстиции 1951 г. в процессе обсуждения ст. 25 проекта Статута МУС ограничил персональную подсудность исключительно физическими лицами. При этом было отмечено, что "*ответственность государств за действия, составляющие международные преступления, имеет преимущественно политический характер*" и это «*не дело суда решать подобные рода вопросы*».

Безусловно, проблема ответственности государств за их противоправные деяния явля-

ется одним из основных в международном праве. Можно согласиться с И.И. Лукашук, утверждающим, что: *«С большой степенью вероятности можно считать, что международное сообщество будет принимать все более решительные меры воздействия к государствам, посягающим на его коренные интересы»*. [3, с. 247] Но речь может идти лишь о международно-правовой ответственности государств, а не об их уголовно-правовой ответственности. Такая международно-правовая ответственность выходит за пределы обычной обязанности возместить нанесенный ущерб (как обычно бывает при простом международно-правовом деликте) и предусматривает соответствующие меры превентивного характера, а также меры наказания. При этом, такие меры носят репрессивный характер и в этом смысле имеют некоторые черты уголовных. Но, конечно, в обычном понимании как для внутригосударственно-правовой системы, уголовными они не являются.

Какие же меры сегодня реально и возможно предпринять против государства, совершившего международно-противоправное деяние? В доктрине международного права традиционно выделяют две категории международно-правовой ответственности. Первая - это политическая ответственность (в форме санкций, реторсии, репрессалии, ресторации, сатисфакции, исключения из международной организации и т.д.). Вторая - это материальная ответственность (в форме реституции, компенсации и субституции). Правда, Комиссия международного права в проекте статей об ответственности государств 2001 г. для обозначения материальной ответственности использует термин «возмещение вреда» (ст. 34). Что же касается термина «политическая ответственность», то она вообще отсутствует и упомянута только сатисфакция (ст. 37). При этом международные реалии (события на Ближнем Востоке, конфликт между Россией и Украиной и т.д.) свидетельствуют о том, что указанные формы ответственности государств по международному праву применяются далеко не во всех случаях даже грубого нару-

шения государствами норм и принципов международного права. Именно поэтому в сфере международной ответственности можно констатировать определенную «стагнацию», так как при современном состоянии системы международных отношений и его регулятора, международного права требуется конвенционное закрепление норм ответственности государств за совершение международных правонарушений и особенно международных преступлений. В этом случае доктринальной основой такой кодификации может выступить концепция международно-правовой ответственности государств за совершение международно-противоправных деяний. Правда, для развития этой концепции необходимо достижение компромиссов между государствами по данным международно-правовым вопросам. На наш взгляд, необходимо разработка или кодификация норм международного права в области ответственности государств на международно-правовом договорном уровне. Это требует существенных изменений парадигмы развития современного международного права, выработки новых подходов к проблематике международно-правовой ответственности. При этом, за основу может быть взят проект Статей об ответственности государств, подготовленный КМП. Достаточно отметить факт многочисленного использования положений этого документа различными международными судами и арбитражами. Так, в ряде решений международных судов и арбитражей, имеются ссылки на Статьи как основание для их принятия или эти статьи упоминаются для отражения существующего законодательства, регулирующего конкретный вопрос. Как например, в Докладе Генерального секретаря по вопросу об «Ответственности государств за международно-противоправные деяния» от 30 апреля 2015 года. Применение положений Статей об ответственности государств отмечается в решениях Международного Суда ООН, Международного трибунала по морскому праву, международных арбитражей, Европейского суда по правам человека, Африканской комиссии по правам человека, и

Межамериканского суда по правам человека и др. Применение различными международными судами и арбитражами положений Статей об ответственности государств не только подтверждает их доктринальное значение, но и увеличивает возможности формирования и утверждения международных обычно-правовых норм.

Таким образом, можно прийти к следующему заключению.

1. Совершение международных преступлений, к которым относятся и военные преступления и преступления против человечности служат основанием возникновения международно-правовой ответственности государств. Укоренившаяся в современной системе международного права концепция международных преступлений вовсе не означает и утверждения концепции уголовной ответственности государств. Концепция уголовной ответственности государств за совершение международных преступлений существует исключительно в доктрине международного права. Эта концепция не встречается и в международно-правовых нормативных актах. Также концепция «преступление государства» и выводящееся из нее понятие «уголовная ответственность государства» не имеет своего практического воплощения в международно-правовой практике. Соответственно нет и обычно-правовых норм, складывающихся на основе практики государств в этой области.

2. Международно-правовая ответственность государств не может быть ни гражданско-правовой, ни административной или уголовно-правовой, ибо в международной систе-

ме отсутствует орган наднациональной власти над государствами, полномочный обеспечить исполнение взятых на себя государствами обязательств. Природа международного права заключается именно в координационной деятельности государств, являющихся суверенными, не зависящими друг от друга государствами. Между тем особенность юридической ответственности во внутригосударственном праве заключается именно в наличии возможности субординации и механизма принуждения. Особенность международно-правовой ответственности в том, что она является публично-правовой.

3. Ответственность государств за совершение военных преступлений и преступлений против человечности, как разновидности международных преступлений носит международный характер и их следует расценивать и квалифицировать как преступления по международному праву. Соответственно, ответственность государств как международно-правовую ответственности государств за совершение международно-противоправных деяний.

4. Одним из самых актуальных вопросов в современной системе международного права является необходимость кодификации норм международного права в области ответственности по международному праву на международном договорно-правовом уровне. Это требует существенных изменений вектора развития международного права, выработки новых подходов к проблематике международно-правовой ответственности в целом.

Список использованной литературы:

1. Караев, Р.М. Право на самооборону Азербайджанской Республики против Армении // *Вепнәлхалқ һүқуқ вә интегрәсија проблемләри*, 2016, № 2 (46), s. 15-25.
2. Курс международного права. В 7 т. Т. 2. Основные принципы международного права / Под ред. Г.В. Игнатенко, В.А. Карташкин, Б.М. Клименко и др. – Москва: Наука, -1989. - 240 с.
3. Лукашук И.И. Право международной ответственности. – М: Волтерс Клувер, 2004. – 432 с.
4. Маммадов, И.М. Армяно-азербайджанский конфликт: история, право, посредничество. / И.М. Маммадов, Т.Ф. Мусаев (2-е изд., переработ. и дополн.) – Баку: 2008. - 196 с.
5. Международное право / Вольфганг Граф Витцум [и др.], пер. с нем. - Москва: Инфотропик Медиа, - 2011. - 992 с.

6. Оппенгейм Л. Международное право: Мир. Перевод с английского. Т. 1: Полут. 1 / Оппенгейм Л.; Под ред.: Крылов С.Б. (Предисл.); Пер.: Лаутерпахт Г. - Москва: Иностр. лит., 1948. - 407 с.
7. Рассказов Л.П., Упоров И.В. Понятие и принципы ответственности в международном праве // Москва: Московский журнал международного права. – 2000, № (2). – с. 37-45.
8. Сазонова К.Л. Концепция «международного преступления государства» как основание международно-правовой ответственности: сравнительный анализ доктринальных позиций // - Москва: Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения, 2013 № 3, - с. 460- 465.
9. Скакунов, Э.И. Самооборона в международном праве / Э.И. Скакунов. - Москва: Издательство «международные отношения», - 1973. - 178 с.
10. Фисенко И.В. Борьба с международными преступлениями в международном уголовном праве / И. В. Фисенко. – Минск: Тесей, 2000. – 336 с.
11. Фисенко И. Ответственность государств за международные преступления // Белорусский журнал международного права и международных отношений 1998 - № 3. – с. 17 - 22
12. Шиленко М.В. Международно-правовые аспекты применения силы против Ирака войсками международной коалиции: автореферат дисс. на соискание учен. ст. канд. юр. наук, М., 2007, - 28 с.
13. Bassiouni M.Ch. A Draft International Criminal Code and Draft Statute for an International Criminal Court. Dordrecht, 1987. – 502 p.
14. Brownlie Y. Principles of public international law. Seventh edition. Oxford University Press, 2008. – 784 p.
15. Bustamante A.S. Droit international public. Translated from the Spanish by Paul Goulé. Tome IV. Paris: Recueil Sirey, 1937. 618 p.
16. Case Concerning Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America), 1986-06-27 // Jurisdiction and Admissibility, Judgment, I.C.J. Reports 1984, p. 99-100.
17. Cassese A. International Criminal Law. Oxford University Press, 2003. – 472 p.
18. Charter of the United Nations. 24 October 1945 // 1 UN Treaty Series XVI
19. Dictionnaire diplomatique. Académie diplomatique internationale / A. P. Phrangoules. T. II. Paris, 1934. – 4890 p.
20. Dumas J. De la responsabilité internationale des états à raison de crimes ou de délits commis sur leur territoire au préjudice d'étrangers. Paris: Recueil Sirey, 1930. - 477 p.
21. League of Nations, Protocol for the Pacific Settlement of International Disputes, 2 October 1924
<https://www.refworld.org/legal/agreements/lon/1924/en/34869>
22. Pella V. La criminalite collective des Etats et le droit penal de l'avenir. / par Vespasien V. Pella. Bucur-est, 1925. – 360 p.
23. Pella V.V. Le Code des Crimes contre la paix et la securite de l'humanite. Geneve: Print Book, -1957. – 184 p.
24. Report of the International Law Commission to the General Assembly, 18th Session. Yearbook of the International Law Commission 1966, vol. II, Documents of the second part of the seventeenth session and of the eighteenth session including the reports of the Commission to the General Assembly, United Nations, New York, 1967, p. 247
25. Responsibility of States for internationally wrongful acts: Resolution adopted by the General Assembly // 53 UN GAOR Supp. (No. 10) at 43, U.N. Doc. A/56/10 (2001).
26. Yearbook of the International Law Commission. Vol. II. 1956 Documents of the eighth session including the report of the Commission to the General Assembly. A/CN.4/SER.A/1956/Add.1 November 1956 // United Nations, New-York, 1957.
27. Yearbook of the International Law Commission. 1976, vol. II. United Nations, New York, 1977. – 169 p.

Hikmət NAĞDƏLİYEV

**BEYNƏLXALQ CİNAYƏTLƏRİN TÖRƏDİLMƏSİNƏ GÖRƏ DÖVLƏTLƏRİN
BEYNƏLXALQ HÜQUQİ MƏSULİYYƏTİ****XÜLASƏ**

Hazırkı məqalədə müəllif beynəlxalq hüququn ən aktual problemlərindən birini - beynəlxalq hüquqazidd hərəkətlərin törədilməsi nəticəsində yaranan dövlətlərin məsuliyyət problemi və bu məsələ ilə bağlı beynəlxalq hüquq doktrinasında mövcud olan müxtəlif doktrinaları araşdırır. Dövlətlərin beynəlxalq hüquqi məsuliyyətinin yaranmasının əsası kimi beynəlxalq cinayətlər adlanan beynəlxalq hüquqazidd əməllər probleminin öyrənilməsinə xüsusi əhəmiyyət verilir. Məqalədə müəllif beynəlxalq cinayətləri müstəsna olaraq beynəlxalq hüquqazidd güc tətbiqi kimi qiymətləndirir ki, bu da beynəlxalq hüququn kobud şəkildə pozulması, beynəlxalq sülh və təhlükəsizlik sisteminə qəsd deməkdir. Məqalədə müəllif göstərir ki, "beynəlxalq cinayətlər" kateqoriyası beynəlxalq hüquq doktrinasında möhkəm təsbit edilsə də, eynisini "dövlətlərin beynəlxalq cinayətləri" kateqoriyası və buna müvafiq olaraq ondan irəli gələn "dövlətlərin cinayət məsuliyyəti" anlayışı haqqında demək olmaz. Müəllif beynəlxalq hüquq doktrinasında mövcud olan bu konsepsiya ilə bağlı müxtəlif elmi məktəblərin nümayəndələrinin müxtəlif fikirlərini araşdırır.

Məqalədə, həmçinin BMT-nin Beynəlxalq Hüquq Komissiyasının 2001-ci il tarixli "Beynəlxalq hüquqazidd əməllərə görə dövlətlərin məsuliyyəti" maddələri layihəsinin bir sıra əsas müddəaları təhlil edilir. Bununla yanaşı, müəllif "ümumi beynəlxalq hüququn imperativ normasından irəli gələn "dövlətlərin öhdəliyinin ciddi şəkildə pozulması" kateqoriyasını da nəzərdən keçirir. Məqalənin sonunda müəllif "dövlətlərin beynəlxalq cinayətləri" anlayışının mövcud beynəlxalq hüquqi reallıqlara tətbiqi imkanlarını qiymətləndirir.

Açar sözlər: beynəlxalq hüquq, beynəlxalq cinayətlər, doktrina, konsepsiya, məsuliyyət, dövlətlərin məsuliyyəti, dövlətlərin cinayət məsuliyyəti, beynəlxalq hüquq üzrə məsuliyyət

Hikmat NAGHDALİYEV

**INTERNATIONAL LEGAL RESPONSIBILITY OF STATES
FOR THE COMMITMENT OF INTERNATIONAL CRIMES****SUMMARY**

The author in this article examines one of the most current issues in international law - the problem of state responsibility arising from the commission of internationally wrongful acts and the various concepts existing in the international legal doctrine regarding this issue. Particular importance is given to the study of the problem of internationally wrongful acts, called international crimes, as the basis for the emergence of international legal responsibility of states. In the article, the author considers international crimes as an exclusively internationally wrongful use of force, which mean serious violations of international law and encroach on the entire system of international peace and security. The author shows that although the category of "international crimes" is firmly established in the doctrine of international law, this cannot be said about the category of "international crimes of states" and, accordingly, the concept of "criminal responsibility of states" arising from it. The author examines the various opinions of representatives of various scientific schools regarding this concept existing in the doctrine of international law. The article also analyzes a number of key provisions of the draft articles of the UN International Law Commission on "Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts" from 2001. Along with this, the author also examines the category of "serious breaches of an obligation arising from a peremptory norm of general international law." In conclusion, the author assesses the possibility of applying the concept of "international crimes of states" to existing international legal realities.

Key words: international law, international crimes, doctrine, concept, responsibility, responsibility of states, criminal responsibility of states, responsibility under international law